

ИСТОРИЯ

УДК 94(37).07

DOI 10.52452/19931778_2022_6_8

ЦЕНТУРИОНЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ОБЗОР ИСТОРИОГРАФИИ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

© 2022 г.

Е.С. Иванова

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

selenai.ei95@gmail.com

Поступила в редакцию 31.10.2022

Одной из уникальных черт Римской империи считается рудиментарность бюрократического аппарата, связанная с немногочисленностью административного персонала и отсутствием у последнего особой подготовки и специальных знаний в области государственного управления. Несмотря на это, римская система управления была достаточно эффективной для своего времени. Этому способствовало в том числе активное привлечение военнослужащих к решению административных и юридических вопросов на местах. Наиболее вовлеченной в гражданскую жизнь провинциального населения частью римской армии называют центурионов и бенефициариев. Однако если административные функции бенефициариев в полной мере представлены в историографии, то гражданские аспекты деятельности центурионов, в отличие от их собственно военной роли, мало привлекали внимание исследователей. В статье проанализирована современная историография центурионата с целью определить текущее состояние и перспективы изучения вопроса о месте центурионов в государственном управлении Римской империи.

Ключевые слова: империализм, Римская империя, провинциальное управление, римская армия, центурионы, бенефициарии, историография.

Преобразование римского государства полисного типа в мультикультурную империю вызвало необходимость в создании административной структуры, позволяющей держать под контролем обширные территории, находящиеся под властью римского народа. Приспособленная для реализации этой цели система наместничества, при которой императорами направлялись в провинции не обладавшие специальными знаниями аристократы сенатского или всаднического сословия, обеспечила прочность и долговечность империи, что вызывает удивление у современных исследователей, назвавших Римскую империю «государством без бюрократии» [1, р. 35]. Данный термин вошел в историческую науку в 1987 г. [2, с. 14]. Несмотря на многолетний интерес к описанному феномену, а также значительный вклад в изучение деятельности провинциальных наместников, внесенный отечественным историком А.Л. Смьшляевым (1951–2019) [3–6], первая обобщающая монография о римских наместниках была опубликована только в 2014 г. [7]. Её автором является французская исследовательница А. Беранже. Одним из выводов её работы стало признание того обстоятельства, что в силу уникальных

особенностей каждой провинции и отсутствия знаний этих особенностей у наместников последние тщательно подбирали себе служебный персонал, т.е. членов своей канцелярии (*officium*), и полагались на него при решении местных проблем [8]. Соответственно, исследование обязанностей и полномочий служебного персонала наместников должно стать следующим шагом в решении проблемы функционирования римской системы провинциального управления.

Отметим, что в историографии уже был опыт изучения одной группы представителей *officium* римского наместника. Речь идет о монографии французской исследовательницы Жюслин Нели-Клеман, посвященной бенефициариям [9] – особой категории римских солдат, входивших в *officium* высших должностных лиц Римской империи и выполнявших функции их представителей. Примечательно, что Ж. Нели-Клеман изучала отдельно бенефициариев, служивших в различных подразделениях римской армии и относящихся к разным по своему статусу и назначению начальникам. Такой подход позволил автору сделать несколько важных выводов по вопросам провинциального управления империи. В первую очередь исследова-

тельница обратила внимание на отсутствие бенефициариев среди служебного персонала проконсулов, т.е. наместников сенатских провинций. Их роль исполняли специально откомандированные преторианцы. Отправляя столичных солдат в проконсульские провинции, император и префект претория получали возможность непосредственно вмешиваться в дела проконсулов и контролировать их деятельность [9, p. 106].

В отличие от проконсулов, наместники императорских провинций располагали целым штатом бенефициариев, которые делились на две группы: несущие службу при наместнике в столице провинции и отправленные на *stationes* – контрольные пункты в регионах провинции, где бенефициарии выполняли функцию представителя римской власти. Говоря о конкретных обязанностях этих служащих, Ж. Нели-Клеман выделяет следующие сферы деятельности: военные функции (участие в управлении войсками, обеспечение связи и обмена информацией между столицей и провинциями); полицейские и судебные функции (преследование нарушителей общественного порядка, в том числе христиан; прием и передача петиций, составление отчетов, третейское разбирательство, вмешательство в дела о злоупотреблениях местных властей); функции финансового и хозяйственного контроля (надзор за сбором налогов, таможенных пошлин; обеспечение военных поставок; контроль за разработкой карьеров и наблюдение за различными общественными работами) [9, p. 217].

Перечисленные обязанности в каждом *statio* исполнялись двумя бенефициариями в течение шести месяцев. Ж. Нели-Клеман объясняет ограничение срока службы в одном *statio* стремлением римских властей снизить риски возможных злоупотреблений и коррупции [9, p. 229]. Тем не менее негативный образ бенефициариев в еврейских и христианских источниках свидетельствует о том, что отношения последних с провинциальным населением были далеки от идеала. Несмотря на это, Ж. Нели-Клеман заключает, что именно бенефициарии приносили элемент стабильности в систему провинциального управления. Если наместники исполняли свои функции в провинции ограниченный период времени, то бенефициарии оставались в своей должности на той же территории и при смене их начальника. Кроме этого, бенефициарии имели мало шансов на дальнейший карьерный рост, поэтому обычно они проводили все служебные годы в одинаковом положении в рамках одной провинции [9, p. 213–214]. Данное обстоятельство не стоит считать недостат-

ком описываемой должности, поскольку географическая мобильность внутри провинции, особенности исполняемых обязанностей, регулярные контакты с наместником и другими представителями власти, а также некоторые финансовые преимущества приводили к тому, что бенефициарии, в отличие от большинства категорий военнослужащих, часто встречаются среди муниципальной элиты [9, p. 307]. Совмещая работу в *officium* с городскими должностями, бенефициарии способствовали укреплению союза императорской власти с муниципальной знатью, на котором, по мнению многих исследователей [10, p. 166], и базировалось римское «государство без бюрократии».

Значимость выводов Ж. Нели-Клеман доказывает необходимость комплексного изучения других представителей *officium* наместника. Представляется логичным в качестве объекта такого исследования выбрать центурионов, поскольку эти военнослужащие обычно возглавляли штат сотрудников наместника. Между тем гражданские аспекты деятельности центурионов, в отличие от их собственно военной роли, мало привлекали внимание исследователей. В то время как Ж. Нели-Клеман изучала административные функции бенефициариев на *stationes*, их участие в городской жизни, корпоративные и семейные связи, исследователи центурионата продолжали дискутировать по старым вопросам социального происхождения и иерархии центурионов. Зарождение этой дискуссии, последующее развитие историографии и намечающийся переход к новым проблемам прослеживаются в данной статье с целью определить современное состояние и перспективы изучения вопроса о месте центурионов в государственном управлении Римской империи.

Отправной точкой в изучении римского центурионата в целом считается работа австрийского историка, ученика Теодора Моммзена, Альфреда фон Домашевского – «Система чинов римской армии» [11]. В этом труде А. фон Домашевский стремился построить четкую схему соотношения должностей римской армии. Вписывая в неё центурионов, он предполагал, что эта должность в основном доставалась отслужившим преторианцам (по крайней мере до времени Северов). Соответственно, большинство центурионов по своему происхождению были италийцами, и процесс провинциализации легионов на них не распространялся. Тем не менее А. фон Домашевский допускал, что во II в. н.э. рядовые легионеры имели возможность получить повышение и стать центурионами, однако эти случаи были редкими. Более того, по мнению историка, этим повышением карьерный

рост вышедших из легионеров центурионов заканчивался. Дальнейшее продвижение по службе было доступно только для центурионов из преторианцев. Причем даже для них оно было довольно затруднительным, поскольку существовала градация от центуриона X когорты до центуриона II когорты, затем можно было вступить в ряды *primi ordines* (центурионы I когорты) и только после этого стать *primus pilus* (1-й центурион I когорты).

Выводы А. фон Домашевского показали спорными последующим исследователям. Во-первых, его система повышений была слишком сложной для «государства без бюрократии». Во-вторых, наряду с монографией австрийского историка существуют менее известные современникам и почти забытые потомками диссертации немецких ученых Уолтера Бэра и Теодора Вегельбена. В работе «Эпиграфическое исследование о легионных центурионах» [12] У. Бэр на основе доступного ему массива надписей прослеживал различные пути получения должности центуриона и примипила, а также пытался определить общие принципы рекрутирования в разные периоды развития принципата: от Августа до Веспасиана, от Веспасиана до Адриана, от Адриана до Александра Севера и от Александра Севера до Диоклетиана. Выводы У. Бэра полностью противоречили схеме А. фон Домашевского. В частности, У. Бэр утверждал, что большинство центурионов составляли получившие повышение легионеры. Соответственно, и происхождение центурионов совпадало с происхождением рядовых солдат. В свою очередь Т. Вегельбен [13] предложил альтернативную иерархию центурионов. Историк доказывал, что центурионы II–X когорт были равны между собой и получали повышение только переходя на службу в I когорт, вступая в ряды *primi ordines*. Последние имели возможность претендовать на высшую должность внутри центурионата – примипилат. Тезисы У. Бэра и Т. Вегельбена были развиты в работах послевоенного времени. Одним из их последователей стал британский археолог Эрик Бёрли, который на основе массива надписей, неизвестных историкам начала XX в., доказал правоту немецких ученых [14–16].

Итак, на протяжении более полувека внимание исследователей было сосредоточено на решении двух проблем, касающихся источников пополнения и карьерных путей центурионов. Сложность названных вопросов обусловлена состоянием источниковой базы, которую составляют преимущественно эпитафии этих офицеров. Последние в своих надгробных надписях зачастую не указывали сведения о

службе до вступления в ранг сотников, поэтому все предположения об их социальном происхождении строятся на основе косвенных данных ономастики.

Обращение к новым проблемам связано с именем ученика Э. Бёрли – Брайана Добсона, который создал основополагающий труд по римскому примипилату [17, 18]. Историк проследил развитие должности от республиканских времен до конца III в. н.э., отметив следующие поворотные моменты: появление особых привилегий у примипилов при Августе, что выделило их из ряда *primi ordines*; оформление новых вариантов карьеры примипилов при Клавдии; кардинальные изменения в функциях примипилов в середине III в. н.э., заключавшиеся в переходе от исполнения военных обязанностей к гражданским, связанным с вопросами снабжения и сбора налогов. Основная часть работы Б. Добсона посвящена второму моменту. Историк доказывает, что большей частью примипилы по завершении службы либо уходили в почетную отставку, либо становились префектами лагеря. Меньшинство продолжало службу в качестве военных трибунов в Риме и могло надеяться на получение должности прокуратора провинции. По мнению Б. Добсона, карьерные перспективы зависели от способностей (и возраста) самого примипила, а также от наличия патрона. Социальное происхождение опосредованно влияло на карьеру, поскольку примипилы из бывших преторианцев или из всаднического сословия были более образованными, чем их коллеги из рядовых солдат. Тем не менее, заключает Б. Добсон, сам факт достижения примипилата был значим для всех социальных категорий. В частности, молодые всадники искали должности центуриона именно в надежде однажды стать примипилами. Такой путь, отмечает Б. Добсон, был более надежным, чем последовательное занятие должностей из *militia equestris*, поскольку всадник становился более независимым от императора [19, p. 204]. Кроме этого, примипилат был относительно легкой целью для каждого, кому хватало способностей достичь звания *primi ordines*. Поскольку должность примипила исполнялась всего год, каждый новый центурион из *primi ordines* мог рассчитывать на получение примипилата через 5 лет. Так или иначе, заключает Б. Добсон, примипилат доставался самым талантливым центурионам. Это были лучшие представители своего звания, опытные в бою, сведущие в государственных делах и верные императору. По этой причине они имели возможность впоследствии быть назначенными на такие высокие должности, как прокуратор провинции или

префект Египта [20, р. 422]. Малочисленность примипилов, занимавших эти посты, объясняется двумя факторами: средним возрастом достижения примипилата – около 50 лет, а также высоким социальным и имущественным статусом самих примипилов, для которых последующие должности были скорее бременем, чем почетом. Хотя на первый взгляд данная работа выглядит тематически близкой к трудам У. Бэра и Т. Вегельбена, Б. Добсон был первым, кто отметил значение административного опыта у центурионов [20, р. 409], а также разобрал надписи, где упоминается занятие примипилами городских должностей [17, р. 299–308]. Кроме того, историк обратил внимание на семейные связи примипилов, в частности на социальный статус их жен, среди которых обнаружили представители городской элиты [17, р. 294–296]. Таким образом, невоенные аспекты деятельности центурионов и примипилов, способствующие развитию их гражданской карьеры вплоть до должности прокуратора провинции, подразумевались Б. Добсоном, но не были специально изучены историком.

Ученики Б. Добсона – Валери Максфилд, Биргитта Хоффманн и Джеймс Саммерли – также не обращались к названным проблемам. В. Максфилд исследовала систему военных наград и в отношении центурионата пришла к следующим выводам [21, р. 184–209]. Система награждения для центурионов и примипилов сложилась ко времени династии Флавиев. Центурионы, вышедшие из рядовых солдат, и назначенные на должность всадники получали одинаковые награды. Также не было разницы в поощрениях для легионных и преторианских центурионов. Для всех этих категорий стандартными знаками отличия были *torques* (венки), *armillae* (браслеты), *phalerae*, *corona vallaris* (венок за взятие полевого укрепления), *corona muralis* (венок за взятие крепостной стены) и *corona aurea* (за любые достижения). Самой распространенной была *corona vallaris*, а самой ценной – *corona muralis*. Что касается *primi ordines* и *primi pili*, то они обычно получали одну корону и одно копьё (*hasta*). Таким образом, заключает В. Максфилд, разница в ценности наград существовала только для младших и старших центурионов.

Биргитта Хоффманн обратилась к вопросу о социальном статусе центурионов и на основе археологического материала изучала жилища этих офицеров [22]. Исследовательница стремилась выявить общие черты центурионских блоков во всех фортах, объяснить их внутреннюю структуру и назначение отдельных комнат, проследить, как менялись жилища со временем,

и в целом понять, о каком социальном и имущественном статусе могут свидетельствовать данные помещения. Б. Хоффманн продемонстрировала невозможность создания описания стандартного жилья центуриона, поскольку внутреннее устройство блоков сильно различалось на местах. Например, исследовательница выделила 7 типов пола – от простого земляного до выложенного мозаикой или пола с подогревом. Однако различия объясняются индивидуальным вкусом и особенностями климата той или иной местности, а отнюдь не разницей в статусе центурионов разных когорт, как считали сторонники теории А. фон Домашевского [22, р. 111]. Тем не менее исследовательнице удалось выявить 2 зоны, характерные для всех блоков, – частную (или жилую) и публичную, предназначенную, в частности, для соблюдения обычая утреннего приветствия. Несмотря на это, Б. Хоффманн заключает, что жилища центурионов не были приспособлены для деловых функций и проведения в них официальных встреч. Это была преимущественно частная территория, а социальная и профессиональная жизнь офицера проходила вне домашних стен [22, р. 141].

Что касается Джеймса Саммерли, то он вновь обратился к старым проблемам, касающимся источников пополнения и карьеры центурионов [23], но также сделал акцент на их мобильности. Историк стремился объяснить причины перемещений центурионов; установить, что было более распространенным явлением – длительная служба в одном легионе или постоянные перемещения из легиона в легион; понять, какую роль играл патронат в смене места службы; определить возможные ограничения, существовавшие для центурионов, которым было необходимо перейти в другой легион, и выявить различия в передвижениях центурионов, происходивших из разных социальных групп. Для решения последней задачи Дж. Саммерли также пытался установить соотношение центурионов, вышедших из всадников, из преторианской гвардии и из рядовых солдат. В целом, Дж. Саммерли удалось решить поставленные задачи. Историк пришел к выводу, что перемещения центурионов были вызваны либо практической необходимостью, когда более опытные командиры отправлялись в проблемные регионы, либо были следствием патроната, когда амбициозные молодые люди не могли получить должность центуриона в своем легионе, поскольку она была занята, но благодаря рекомендациям своих патронов получали её в другом [23, р. 225, 227]. Таким образом, Дж. Саммерли объясняет перемещения центурионов случайными событиями, а не осознан-

ной политикой императора. Кроме этого, он установил, что во все периоды преобладали центурионы, сменившие несколько постов в разных легионах за годы службы, однако в I в. н.э. число тех, кто оставался на одном посту, было выше, чем в II и III в. н. э. [23, р. 226]. Тем не менее наиболее интересный, по нашему мнению, вывод Дж. Саммерли высказал по вопросу об ограничениях мобильности. Он показал, что в восточные легионы чаще направляли центурионов из всадников, тогда как центурионы из рядовых отправлялись на Восток крайне редко, и всех их объединяло греческое происхождение. Дж. Саммерли полагает, что данную закономерность можно объяснить преобладанием в восточных легионах греческого языка. В связи с этим возможность перевода в восточные легионы имели только те, кто мог изъясняться по-гречески [23, р. 228].

Всех перечисленных исследователей – от Э. Бёрли до Дж. Саммерли – обычно объединяют в одну группу и называют «Даремской школой» [24, р. 7]. К общим чертам их работ можно отнести построение исследования исключительно на археологическом и эпиграфическом материале, строгость выводов, относительную узость проблематики и методологическое сходство с позитивистами. Отметим, что труды «Даремской школы» являются основополагающими в историографии римского центурионата. Последующие исследования базируются на выводах её представителей.

Выявленная Дж. Саммерли связь между владением греческим языком и возможностью прохождения службы в восточных легионах империи стала началом изучения более широкого вопроса об уровне грамотности центурионов и его влиянии на их карьерный путь. Решение этой проблемы было продолжено Дж. Адамсом статьей, посвященной стихотворным надписям центурионов из *Vu Njem* (Ливия) [25]. Исследователь провел лингво-филологический и исторический анализ стихотворений, чтобы определить языковой уровень авторов и понять, была ли латынь их родным языком. В результате Дж. Адамс определяет, что автор первого стихотворения – Марк Порций Ясуктан – не был носителем латинского языка. Тем не менее в тексте центуриона практически отсутствуют орфографические и грамматические ошибки. Данная особенность выделяет текст центуриона из ряда надписей, созданных рядовыми солдатами из того же лагеря. Однако Дж. Адамс подчеркивает, что Ясуктан никогда не учился у грамматиков и что в римской армии были и более образованные центурионы (например, автор второго стихотворения – Квинт Авидий Квин-

тиан). Разный уровень грамотности объясняется разным социальным происхождением центурионов – от италийцев из всаднического сословия до провинциалов, начавших службу в качестве рядовых. Но Дж. Адамс предполагает, что корпоративная идентичность мотивировала вторых «тянуться» за первыми и повышать свой культурный уровень [25, р. 130]. По этой причине и предпринимались попытки создания стихотворений на чужом языке даже при тех поводах, когда было достаточно написать прозой. Кроме этого, Дж. Адамс отмечает, что именно латынь была языком римской армии. Поэтому выбор этого языка для создания памятной надписи был также обоснован желанием подчеркнуть свою принадлежность к данному социальному институту [25, р. 131]. Тем не менее, полагает Дж. Адамс, несмотря на важность латинского языка в армии, для центурионской среды был характерен билингвизм (или даже многоязычие), поскольку у постоянно перемещавшихся по империи офицеров существовала необходимость в изучении провинциальных языков для поддержания коммуникации с местным населением [25, р. 134].

Значимость такой коммуникации впервые продемонстрировал американский исследователь Грэм Уорд в своей диссертации [24]. Хотя ее существенная часть посвящена дисциплинарной функции центурионов в легионах, одну главу исследователь всё-таки выделяет для рассмотрения невоенных обязанностей офицеров [24, р. 214–256]. Г. Уорд подчеркивает, что знание локальных языков, экономической ситуации и культурных особенностей на местах делало центурионов идеальными агентами римских наместников, способных как передавать точную информацию о происходящем в провинции, так и выступать в качестве посредника между императорской властью и местным населением [24, р. 230]. Помимо этого, Г. Уорд выявляет конкретные сферы коммуникации центурионов с провинциалами, наделяя офицеров судебными и полицейскими функциями, правом финансового и хозяйственного контроля. Очевидно, что невоенные занятия центурионов пересекались с аналогичными у бенефициариев, что вызывает вопрос о разграничении обязанностей двух категорий военнослужащих. Данная проблема не была затронута Г. Уордом из-за ограниченной источниковой базы. Последнее обстоятельство вызывает удивление, поскольку уже в 1989 г. британскому историку Р.В. Дэвису были известны более 50 папирусов с петициями к центурионам, на которых сохранились жалобы простых людей на насилие, похищение имущества, пропажу людей и др., а также

просьбы наказать обидчика. На основе этих документов Р.В. Дэвис сделал осторожный вывод, что центурионы были уполномочены расследовать преступления [26, р. 185]. К 2004 г. папирологи выявили 81 петицию центурионам и бенефициариям [27, р. 161–169], на которых в том числе содержались требования вынесения судебного решения по делу. Папирологи акцентировали внимание на данных требованиях, поставив проблему легитимности решений, вынесенных центурионами [28, р. 79]. Кроме того, исследователи стремились понять, какие реалии, общеимперские или исключительно египетские, отражены в документах [29, р. 223]; предпринимали центурионы самостоятельные действия в ответ на петицию или выступали только посредниками между народом и префектом [28, р. 85]; почему египетское население предпочитало обращаться к римскому военному служащему, а не местному стратегу [28, р. 85] и др. Тем не менее данные вопросы еще не были разобраны ни Г. Уордом, ни другими исследователями.

Тезис Г. Уорда о роли центурионов как посредников между римской властью и провинциальным населением (а также пограничными племенами и соседними царствами) внес коррективы в старую дискуссию о гобустанской надписи. Данной надписи, оставленной центурионом XII Молниеносного легиона Луцием Юлием Максимом, посвящена обширная историография, подробно разобранная А.Л. Смышляевым [30]. Как отмечает историк, 90% исследователей, знакомых с надписью Луция Максима, согласны с предположением, что этот текст «является бесспорным доказательством пребывания римских войск в восточной части Закавказья в конце I в.» [30, с. 584]. Тем не менее более логичной выглядит другая гипотеза, объясняющая присутствие римского центуриона на краю ойкумены выполнением им некоей дипломатической миссии в Кавказской Албании [31, с. 691]. В таком случае, как предполагает В.Н. Парфёнов, перед Юлием Максимом стояла важная стратегическая задача «обеспечить непререкаемый авторитет Рима по обе стороны Большого Кавказского хребта и безопасность малоазийских провинций от вторжений как с севера, через Дарьяльское ущелье и Дербентский проход, так и с востока, со стороны Армении и Парфии» [32, с. 323]. Историк отмечает, что такие масштабные задачи были по силам центурионам, поскольку, во-первых, они «обладали достаточным авторитетом, чтобы представлять Рим в отношениях с чужеземными правителями» [32, с. 324], а во-вторых, у них была отличная возможность получить немало

сведений о народах, соседствующих рядом с местом дислокации их легионов, а также выучить местные языки. Хотя объяснение В.Н. Парфёнова базируется лишь на предположении Г. Уорда, такая трактовка гобустанской надписи хорошо согласуется с другими примерами дипломатических миссий центурионов, известных из нарративных и эпиграфических источников. Так, у Тацита сообщается, что центурион осознанно покидает место службы, чтобы доложить правителю Сирии о положении дел в союзной Армении (Тас. Ann. XII. 45), а в погребальной надписи одного примипила среди достижений указано, что этот военный служащий «проводил» (*reduxit*) через всю империю сыновей коммагенского царя Антиоха, Эпифана и Каллиника, к императору Веспасиану (AE 2011, 51). Можно предположить, что дипломатическая деятельность центурионов включала в себя выполнение самых разных поручений: от охраны заложников до разведывательных миссий. Но поскольку те сюжеты в источниках, где отражены дипломатические роли центурионов, ещё не были специально изучены, делать какие-либо выводы кажется преждевременным.

Логическим продолжением диссертации Г. Уорда можно считать статью румынского исследователя, директора Национального музея истории Трансильвании Георгия Купчи [33]. Историк выдвигает тезис, согласно которому центурионы были наиболее социально активной частью римской армии, глубоко вовлеченной в гражданскую жизнь провинциального населения [33, р. 153]. Развивая эту идею, Г. Купча впервые вводит в научный оборот источники, где центурионы представлены в роли судей или администраторов не только в слабоурбанизированных регионах империи, но и в старых римских колониях полисного типа [33, р. 157]. Историк также приводит примеры надписей, где центурионы выступают непосредственными начальниками бенефициариев, и тем самым приступает к решению вопроса о разграничении их функций [33, р. 155]. В заключении Г. Купча приходит к выводу, что центурионы были новыми людьми в среде римской аристократии, достигшими карьерных высот благодаря своему таланту и удачно сложившимся обстоятельствам [33, р. 161]. Таким образом благодаря центурионам происходило регулярное обновление римской элиты, что, в свою очередь, позволяло поддерживать римское военное командование и провинциальное управление на высоком уровне.

Подробнее роль центурионов в формировании римской элиты разбирает английский исследователь Чарльз Манклоу [34]. Вслед за

Дж. Адамсом историк утверждает, что присутствие в среде центурионата выходцев из всаднического сословия в силу существования духа соревновательности в армейской среде мотивировало остальных центурионов приобретать элитарные культурные привычки [34, р. 85]. В связи с этим центурионат выступает «школой» подготовки новой римской элиты не только из-за возможности приобретения управленческого опыта во время исполнения должностных обязанностей, но и благодаря менявшемуся мироощущению бывших легионеров, начинавших ассоциировать себя в большей степени с обществом своих коллег из всадников, нежели с миром рядовых солдат. Тем не менее Ч. Манклоу не опровергает вывода Б. Добсона о незначительной доле центурионов, участвовавших в деятельности городских советов во время службы или после отставки. Более того, историк считает, что большая часть ветеранов, занимавших муниципальные должности, происходила из семей городских элит и переходила на гражданскую службу по семейной традиции [34, р. 150]. Однако исследователь отмечает, что даже при небольшом количестве ветеранов в городских советах бывшие военнотруженики могли оказывать существенное влияние на жизнь городской общины, поскольку обладали патронатными связями, доходившими до самого императора [34, р. 154–155]. При этом городу необязательно было назначать ветеранов на муниципальные должности, чтобы получать привилегии с помощью их связей. Достаточно было обеспечивать ветеранам полагающиеся им льготы и оказывать должное уважение. Таким образом центурионы в отставке, не занимая формально никаких должностей, оставались влиятельным «сословием» за счет своего ветеранского статуса, позволявшего им выступать связующим звеном между городами, армией и императором.

В завершение обзора историографии центурионата отметим, что участие центурионов в государственном управлении Римской империи признается исследователями, начиная с Б. Добсона. Тем не менее конкретные сферы деятельности были обозначены только Г. Уордом. Историк наделил офицеров судебными полномочиями, дипломатическими функциями и правом контроля за финансами и хозяйством. Работу Г. Уорда продолжили Г. Купча – введением в научный оборот нового эпиграфического материала со сведениями о судебной деятельности центурионов, а также Ч. Манклоу – попыткой оценки влияния военнотружеников на городскую жизнь. Таким образом, лишь спустя десятилетие после публикации монографии

Ж. Нели-Клеман опыт французской исследовательницы начинает распространяться на изучение невоенных занятий центурионов. Однако создание аналогичного комплексного труда, раскрывающего роль центурионов как управленцев и исполнителей особых поручений невоенного (дипломатического, политического, полицейского) характера, только предстоит исследователям римского центурионата.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-18-00374 «Имперское Средиземноморье: модели, дискурсы и практики империализма от Античности до раннего Нового времени».

Список литературы

1. Garnsey P., Saller R., Elsner J. The Roman Empire: economy, society and culture. Oakland: University of California Press, 2015. 328 p.
2. Махлаюк А.В. Грани римского чуда. Власть и право Римской империи в исследованиях А.Л. Смышляева // Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева / Под ред. А.В. Махлаюка, И.Е. Сурикова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С. 9–62.
3. Смышляев А.Л. Вступление наместника в провинциальный город (церемония *adventus* по Ульпиану) // Вестник древней истории. 1991. № 4. С. 106–117.
4. Смышляев А.Л. *Civilis dominatio*: Римский наместник в провинциальном городе // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 24–35.
5. Смышляев А.Л. Римский наместник в провинциальном городе: *otium post negotium* // Вестник древней истории. 1999. № 4. С. 59–70.
6. Смышляев А. Л. «Правление по-граждански» в представлении греческих писателей и в практике римской власти // Исторический вестник. Вып. 19. Рим: *dominatio civilis* / Под общ. ред. А.Л. Смышляева. М., 2017. С. 10–49.
7. Bérenger A. Le métier de gouverneur dans l'empire romain: de César à Dioclétien. Paris: Éditions de Boccard, 2014. 535 p.
8. Sloop D. [Rev.:] / D. Sloop // Bryn Mawr Classical Review. 2015. Rev.: Bérenger A. Le métier de gouverneur dans l'empire romain: de César à Dioclétien. Paris: Éditions de Boccard, 2014. 535 p. URL: <https://bmc.brynmawr.edu/2015/2015.06.12/> (дата обращения: 26.08.2022).
9. Nelis-Clément J. Les *beneficiarii*: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s.a. C. – VIe s.p. C.). Paris: Bordeaux, 2000 (Ausonius publications. Etudes. 5). 557 p.
10. Saller R.P. Personal patronage under the early empire. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 222 p.
11. Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Bonn: A. Marcus und E. Weber, 1908. 275 S.
12. Baehr W. De centurionibus legionariis quaestiones epigraphicae. Berolini: Typis Leonhardi Simion, 1900. 58 p.
13. Wegeleben Th. Die Rangordnung der römischen Centurionen. Berlin: W. Weber, 1913. 60 S.

14. Birley E. A Roman Altar from Old Kilpatrick and Interim Commanders of Auxiliary Units // *Latomus*. 1983. № 42. P. 73–83.
15. Birley E. Promotions and transfers in the Roman army II: The centurionate // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J.C. Gieben, publisher, 1988. P. 206–220.
16. Birley E. The origins of legionary centurions // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J.C. Gieben, publisher, 1988. P. 189–205.
17. Dobson B. The primipilares of the Roman army: PhD Diss. / Durham University. Durham, 1955. 338 p.
18. Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges. Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1978. 386 S.
19. Dobson B. Legionary centurion or equestrian officer? A comparison of pay and prospects // *Ancient Society*. 1972. № 3. P. 193–207.
20. Dobson B. The significance of the centurion and 'primipilaris' in the Roman army and administration // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1974. Vol. 2.1. P. 392–434.
21. Maxfield V.A. The military decorations of the Roman Army. London: Batsford, 1981. 304 p.
22. Hoffmann B. The quarters of legionary centurions of the Principate // *Britannia*. 1995. № 26. P. 107–152.
23. Summerly J.R. Studies in the Legionary Centurionate: PhD Diss. / Durham University. Durham, 1992. 259 p.
24. Ward G.A. Centurions: the practice of Roman officership: PhD Diss. / University of North Carolina. Chapel Hill, 2012. 308 p.
25. Adams J.N. The poets of Bu Njem: language, culture and the Centurionate // *Journal of Roman Studies*. 1999. № 89. P. 109–134.
26. Davies R.W., Breeze D.J., Maxfield V.A. Service in the Roman army. Edinburgh: Edinburgh University Press with the Publ. Board of the University of Durham, 1989. 336 p.
27. Whitehorne J. Petitions to a Centurion: A Question of Locality? // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 2004. № 41. P. 155–169.
28. Peachin M. Petition to a centurion from the NYU papyrus collection and the question of informal adjudication performed by soldiers // *Miscellanea in memory of P.J. Sijpesteijn* / Ed. A.J.B. Sirks and K.A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 79–97.
29. Peachin M. Five Vindolanda Tablets, Soldiers, and the Law // *ТУСНЕ*. 1999. Band 14. P. 223–235.
30. Смышляев А.Л. Латинская надпись из Азербайджана: проблемы и история интерпретации // *Вестник древней истории*. 2018. № 3. С. 581–610.
31. Кудрявцев О.В. Колхида, Иберия и Албания в I–II вв. н.э. // *Всемирная история: В 13 томах. М.: Государственное издательство политической литературы*, 1956. Т. 2. С. 687–691.
32. Парфёнов В.Н. Гобустанская надпись и восточная политика Флавиев // *Право и политика в античном мире: Сборник научных трудов памяти Александра Леонидовича Смышляева* / Под ред. А.В. Махлаюка, И.Е. Сурикова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2021. С. 282–344.
33. Cupcea G. Centurions: Military or Social Elite? // *Social Interactions and Status Markers in the Roman World* / Ed. by George Cupcea and Rada Varga. Archaeopress, 2018. P. 151–164.
34. Manklow C.H. Standing by the standards: military rank and social status in the Roman West from Augustus to Diocletian: PhD Diss. / University of Cambridge. Cambridge, 2020. 221 p.

CENTURIONS IN THE STATE ADMINISTRATION OF THE ROMAN EMPIRE: A REVIEW OF HISTORIOGRAPHY AND POSING THE PROBLEM

E.S. Ivanova

One of the unique features of the Roman Empire is the rudimentary nature of the bureaucracy, associated with the small number of administrative personnel and their lack of special training and special knowledge in the field of public administration. Despite this fact, the Roman system of government was quite efficient for its time. This was facilitated, among other things, by the active involvement of military personnel in solving administrative and legal issues on the ground. The centurions and beneficiaries are called the most involved part of the Roman army in the civil life of the provincial population. However, the administrative functions of the beneficiaries are fully represented in historiography, whereas the civilian aspects of the activities of the centurions, in contrast to their actual military role, attracted little attention from researchers. The article provides an overview of the historiography of the centurionate in order to determine the current state of the issue that is connected with the place of the centurions in the public administration of the Roman Empire.

Keywords: imperialism, Roman Empire, provincial administration, Roman army, centurions, beneficiaries, historiography.

References

1. Garnsey P., Saller R., Elsner J. *The Roman Empire: economy, society and culture*. Oakland: University of California Press, 2015. 328 p.
2. Makhlayuk A.V. Facets of the Roman miracle. The Power and law of the Roman Empire in the studies of A.L. Smyshlyayev // *Law and Politics in the Ancient World: Collection of scientific works in memory of Alexander Leonidovich Smyshlyayev* / Edited by A.V. Makhlayuk, I.E. Surikov. M.: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 9–62.
3. Smyshlyayev A.L. The governor's entry into a provincial city (the adventus ceremony according to Ulpian) // *Bulletin of Ancient History*. 1991. № 4. P. 106–117.
4. Smyshlyayev A.L. *Civilis dominatio: Roman gov-*

ernor in a provincial town // *Bulletin of Ancient History*. 1997. № 3. P. 24–35.

5. Smyshlyaev A.L. Roman governor in a provincial town: otium post negotium // *Bulletin of Ancient History*. 1999. № 4. P. 59–70.

6. Smyshlyaev A.L. «Civil government» in the representation of Greek writers and in the practice of Roman power // *Historical Bulletin*. Issue 19. Rome: *dominatio civilis* / Under the general editorship of A.L. Smyshlyaev. 2017. P. 10–49.

7. Bérenger A. *Le métier de gouverneur dans l'empire romain: de César à Dioclétien*. Paris: Éditions de Boccard, 2014. 535 p.

8. Slootjes D. [Rev.:] / D. Slootjes // *Bryn Mawr Classical Review*. 2015. Rev.: Bérenger A. *Le métier de gouverneur dans l'empire romain: de César à Dioclétien*. Paris: Éditions de Boccard, 2014. 535 p. URL: <https://bmc.brynmawr.edu/2015/2015.06.12/> (Date of access: 26.08.2022).

9. Nelis-Clément J. *Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire (Ier s.a. C. – VIe s.p. C.)*. Paris: Bordeaux, 2000 (Ausonius publications. Etudes. 5). 557 p.

10. Saller R.P. *Personal patronage under the early empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 222 p.

11. Domaszewski A. *Die Rangordnung des römischen Heeres*. Bonn: A. Marcus und E. Weber, 1908. 275 S.

12. Baehr W. *De centurionibus legionariis quaestiones epigraphicae*. Berolini: Typis Leonhardi Simion, 1900. 58 p.

13. Wegeleben Th. *Die Rangordnung der römischen Centurionen*. Berlin: W. Weber, 1913. 60 S.

14. Birley E. A Roman Altar from Old Kilpatrick and Interim Commanders of Auxiliary Units // *Latomus*. 1983. № 42. P. 73–83.

15. Birley E. Promotions and transfers in the Roman army II: The centurionate // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J.C. Gieben, publisher, 1988. P. 206–220.

16. Birley E. The origins of legionary centurions // *The Roman Army papers 1929–1986*. Amsterdam: J.C. Gieben, publisher, 1988. P. 189–205.

17. Dobson B. *The primipilares of the Roman army*: PhD Diss. / Durham University. Durham, 1955. 338 p.

18. Dobson B. *Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges*. Köln: Rheinland-Verlag; Bonn: Habelt, 1978. 386 S.

19. Dobson B. Legionary centurion or equestrian officer? A comparison of pay and prospects // *Ancient Society*. 1972. № 3. P. 193–207.

20. Dobson B. The significance of the centurion and 'primipilaris' in the Roman army and administration // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*. 1974. Vol. 2.1. P. 392–434.

21. Maxfield V.A. *The military decorations of the Roman Army*. London: Batsford, 1981. 304 p.

22. Hoffmann B. The quarters of legionary centurions of the Principate // *Britannia*. 1995. № 26. P. 107–152.

23. Summerly J.R. *Studies in the Legionary Centurionate*: PhD Diss. / Durham University. Durham, 1992. 259 p.

24. Ward G.A. *Centurions: the practice of Roman officership*: PhD Diss. / University of North Carolina. Chapel Hill, 2012. 308 p.

25. Adams J.N. The poets of Bu Njem: language, culture and the Centurionate // *Journal of Roman Studies*. 1999. № 89. P. 109–134.

26. Davies R.W., Breeze D.J., Maxfield V.A. *Service in the Roman army*. Edinburgh: Edinburgh University Press with the Publ. Board of the University of Durham, 1989. 336 p.

27. Whitehorne J. Petitions to a Centurion: A Question of Locality? // *Bulletin of the American Society of Papyrologists*. 2004. № 41. P. 155–169.

28. Peachin M. Petition to a centurion from the NYU papyrus collection and the question of informal adjudication performed by soldiers // *Miscellanea in memory of P.J. Sijpesteijn* / Ed. A.J.B. Sirks and K.A. Worp. The American Society of Papyrologists, 2007. P. 79–97.

29. Peachin M. Five Vindolanda Tablets, Soldiers, and the Law // *TYCHE*. 1999. Band 14. P. 223–235.

30. Smyshlyaev A.L. Latin inscription from Azerbaijan: problems and history of interpretation // *Bulletin of Ancient History*. 2018. № 3. P. 581–610.

31. Kudryavtsev O.V. Colchis, Iberia and Albania in the I–II centuries A.D. // *World History*: In 13 volumes. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1956. Vol. 2. P. 687–691.

32. Parfenov V.N. The Gobustan inscription and the Eastern policy of the Flavians // *Law and politics in the ancient world: A collection of scientific works in memory of Alexander Leonidovich Smyshlyaev* / Edited by A.V. Makhlayuk, I.E. Surikov. M.: Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 282–344.

33. Cupcea G. Centurions: Military or Social Elite? // *Social Interactions and Status Markers in the Roman World* / Ed. by George Cupcea and Rada Varga. Archaeopress, 2018. P. 151–164.

34. Manklow C.H. *Standing by the standards: military rank and social status in the Roman West from Augustus to Diocletian*: PhD Diss. / University of Cambridge. Cambridge, 2020. 221 p.